

Я. С. Смирнова

РОЛИ И СТАТУСЫ СТАРШИХ В АБХАЗСКОЙ СЕМЬЕ

(к проблеме геронтофильных факторов долгожительства)

В разработке геронтофильной гипотезы социальных факторов абхазского долгожительства, т. е. предположения о том, что высокий статус старших возрастных групп является одной из причин продления их жизни¹, видное место занимает характеристика положения старших в семье и ее быту. Это и понятно. По крайней мере, со времен развитого первобытного общества семья, несомненно, принадлежит к числу важнейших первичных социальных групп, и положение в ней старших в значительной мере проецируется на их положение в других социальных группах и в обществе в целом. Предлагаемая статья² посвящена взаимосвязанным ролям и статусам старших в семье. Под ролями мы в дальнейшем будем понимать не только активные, но и пассивные роли, а под статусами — не только, в соответствии со специальным значением этого термина, позиции в семейной иерархии, но и, шире, степень внутрисемейного престижа.

В пореформенное время, если не раньше, у абхазов преобладала малая, или нуклеарная, семья, но местами, особенно в горных селениях, сохранялись и большие, или расширенные, семьи (*аюнду* — «большой дом»; также *атацваду* в нынешнем Гудаутском и *атаачаду* в нынешнем Очамчирском районах)³. Надо также учесть, что подобно тому, как это наблюдалось у многих соседних народов⁴, часть семей была не большими и не малыми, а переходного от первых ко вторым типам. Чаще всего это выражалось в том, что разделившиеся в хозяйственном отношении семьи сохраняли локальное единство: дома женатых сыновей (*амхара*) располагались подле отцовского (носившего в этом случае название «большого») дома — (рис. 1), либо образовывали удлинявшие его пристройки, и это в свою очередь не могло не сказываться на определенной бытовой общности и поведенческих стереотипах⁵.

Как большой, так и малой семье было свойственно традиционное разделение хозяйственных работ, детально описанное уже в дореволюционной абхазоведческой литературе. Это главным образом разделение труда между мужчинами и женщинами, а также между взрослыми и под-

¹ Наряду с геронтофильной разрабатываются и другие гипотезы повышенного процента долгожительства у тех или иных этносов или этнических групп: экологическая, генетическая, демографическая, репродуктивная, психологическая, трудовая и т. п.

² В работе помимо литературных обобщены полевые этнографические материалы, собранные автором частью в 1946—1948 гг. в Гудаутском и Очамчирском районах Абхазии (селения Абгырхук, Ачандара, Блабурхва, Джирхва, Дурипш, Киндги, Лыхна, Отхара, Хопа, Члоу), частью в 1978—1979 и 1981 гг. в Очамчирском р-не (селения Атара-Абхазская, Джгерда, Киндги, Отап, Тхина, Члоу). В дальнейшем приводятся ссылки только на литературные данные.

³ Державин Н. Абхазия в этнографическом отношении. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее — СМОМПК). Тифлис, 1907, в. XXXVII, с. 6; Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми: Абгосиздат, 1954, с. 184 сл.; его же. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми: Алашара, 1965, с. 466; Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. Материалы и исследования. Сухуми: Алашара, 1969, с. 95.

⁴ Смирнова Я. С. Формы семьи у народов Северного Кавказа в XIX — начале XX в. — Сов. этнография, 1981, № 1.

⁵ Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. Этнографический очерк. — Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1894, кн. XVI, с. 17.

Рис. 1. «Большой дом» и амхара на усадьбе

ростками⁶. В противоположность этому, хозяйственные роли старших не получили сколько-нибудь заметного освещения. Есть, правда, сообщение И. Аверкиева о распределении обязанностей в одной из семей, где отец занимался «делами политическими»⁷, но оно с очевидностью относится к верхушечным слоям общества. Казалось бы, объяснение такого невнимания к хозяйственным ролям старших лежит на поверхности: в данном случае роли определялись не традицией, а физическими возможностями старших мужчин и женщин. Так оно и есть, но только в отношении мужчин и тех женщин, хозяйственная жизнь которых протекала в малых семьях. Пока мужчина мог, он делал все основные мужские работы: вспахивал землю и ухаживал за посевами важнейших сельскохозяйственных культур, заботился о скоте вплоть до дойки коров или коз и стрижки овец, ремонтировал дом и доставлял дрова, а часто и ходил на охоту. Точно так же и женщина в малой семье, пока позволяли силы, ухаживала за огородом, птицей и свиньями (у христиан), готовила пищу и заготавливала продукты впрок, в случае надобности доставляла воду и следила за чистотой дома, а также, по крайней мере до конца XIX — начала XX в., сама выделывала значительную часть предметов одежды и кожаной хозяйственной утвари. Неженатые сыновья и незамужние дочери, разумеется, работали тоже и обычно брали на себя работы потяжелее, скажем, такие, как доставка топлива и воды. Но перекладывать на их плечи основную часть работы без особой к тому необходимости было не принято. С другой стороны, было не принято не считаться с возрастными возможностями престарелых. «Старик, соревновавшийся с молодым, спину сломал», «Со старухой и у очага случилось несчастье», — напоминали абхазские пословицы⁸.

Не так распределялись хозяйственные обязанности женщин в больших семьях. Женские работы в целом считались менее престижными, чем мужские, и поэтому старшие женщины оставляли за собой более легкие и почетные обязанности, передавая остальные младшим невесткам. Так, старшие женщины готовили пищу (обычно опять-таки прибегая к помощи одной из невесток), младшие работали на огороде, доставляли воду, убирали дом, стирали и т. п. Что касается дочерей, то

⁶ [Введенский А. Н.] Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. — Сборник сведений о кавказских горцах (далее — ССКГ). Тифлис, 1872, в. 6, с. 13 сл.; Абхазцы (азега). — Там же, с. 46; Рыбинский Г. А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. Тифлис, 1894, с. 15; Джанашвили М. Указ. раб., с. 18 сл.; Иналипа Ш. Д. К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии. — Тр. Абхазского научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории. Сухуми, 1954, т. XV, с. 218 сл. и др.

⁷ Аверкиев И. Еще об Абхазии. — Кавказ, 1854, № 81; ср.: Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. — СМОМПК, 1884, в. IV, с. 52.

⁸ Гулия Д. И. Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров. Сухуми, 1939, с. 43, 48.

они не столько работали, сколько учились работать, чтобы быть хорошими хозяйками после замужества.

К хозяйственным примыкал такой вид семейных работ, как уход за детьми, неженатыми мужчинами, больными и одряхлевшими членами семьи, а также особая разновидность этих работ — забота о старших членах семьи и гостях. За исключением заботы о гостях, все это были преимущественно женские работы, причем ведущие роли принадлежали в них не старшим, а младшим женщинам: в малых семьях — незамужним дочерям, в больших — невесткам.

Специфика ухода за маленьким ребенком первое время в какой-то степени определялась обычаями избегания, речь о которых впереди. Полагалось, чтобы поначалу молодая мать при старших вообще не подходила к своему ребенку. Колыбель с новорожденным помещали в «большом доме», где о ребенке заботилась свекровь, которой помогали другие невестки или дочери. Лишь по прошествии некоторого времени свекровь просила молодую мать больше не стесняться ее присутствием и самой ухаживать за ребенком. Сходным образом и, по-видимому, также не без связи с обычаями избегания обстояло дело с уходом за одряхлевшими членами семьи. До появления в доме невестки этим занималась главным образом одна из незамужних дочерей или внучек, теперь же обязанность переходила к невестке, однако не сразу, а лишь после годичного пребывания в доме. Поскольку девушки дома считались старше невесток, роль здесь передавалась от старшей к младшей и позднее, по мере новых женитьб, продолжала передаваться по тому же принципу, оставаясь за самой младшей из невесток.

Что касается заботы о старших членах семьи, то они были объектом подчеркнутого внимания и тогда, когда по своему физическому состоянию не нуждались ни в каком уходе. В частности, не только одряхлевшим старикам (*алыгажвам*), но и в достаточной степени бодрым пожилым мужчинам (*абыргам*) дочери или сыновья, а в больших семьях позднее невестки помогали мыть руки и ноги, раздеваться и т. п. Это было демонстрацией внимания и уважения к высокому семейному статусу и в этом отношении напоминало заботу о гостях с той, впрочем, разницей, что в последнем случае семейные роли распределялись сложнее.

Гостеприимство в жизни абхазов не было занятием эпизодическим. В силу местных особенностей традиционного уклада жизни в большинстве семей гостили очень часто, а если селение было административным, культовым и т. п. центром, то практически чуть ли не постоянно. Считалось, что старшему в семье следует самолично встретить гостей и проводить их в особое помещение — стоящую особняком кунацкую или гостевое помещение дома. Хороший тон требовал также, чтобы за столом старший, если он не был совсем дряхл, поначалу сам стоя прислуживал гостям и лишь затем поручал эту почетную обязанность младшим мужчинам. Недостатка в последних не было не только в больших, но и в малых семьях, так как по случаю приема гостей должны были явиться также и отделившиеся сыновья, чтобы прислуживать при угощении. Поскольку гостеприимство было преимущественно мужским делом, роль в нем женщин до конца XIX в. оставалась ограниченной и сводилась главным образом к помощи при омовении рук, приготовлению пищи и предписанным правилами вежливости услугам при отходе ко сну. Девушки, кроме того, могли развлекать гостей танцами. С конца XIX в. девушки и младшие женщины стали наряду с мужчинами прислуживать гостям за столом. Старшая в семье женщина иногда сама помогала мыть руки особенно почетным гостям, но чаще только выходила, чтобы приветствовать гостей за столом и произнести тост за их здоровье⁹.

⁹ Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера.— Русский вестник, 1864, № 9, с. 8; Serena C. Excursion en Samourzacan et en Abkhasie.— Tour du monde, 1882, p. 358; Державин Н. Указ. раб., с. 5; Миллер А. Из поездки по Абхазии в 1907 г.— Материалы по этнографии России. Спб., 1910, т. 1, с. 65; Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии.— Этнография, 1926, № 1—2.

Очень важными и, может быть, одними из самых монопольных были организаторские роли старших членов семьи. Они, с одной стороны, естественно коренились в накопленном жизненном опыте, с другой — как бы институционализировались на основе особого статуса старших. По существу именно старшие направляли всю жизнь семьи, будь то повседневная хозяйственная деятельность, внутрисемейные отношения или праздничные или иные обряды.

Старшие мужчины — отец, дед, старший брат — распределяли между другими мужчинами хозяйственные работы, различные виды которых в одних семьях или случаях закреплялись за кем-нибудь на длительное время, в других — поручались ежедневно. Они же задавали урок и при необходимости руководили работой. Равным образом мать семейства, а за ее отсутствием старшая невестка ведали распределением работ между другими невестками и дочерьми, определяли, сколько чего надо приготовить на зиму, распоряжались запасами продуктов, ведя их учет и устанавливая норму для каждой трапезы. Если дело того требовало, они же осуществляли надзор за ее ходом. Старший мужчина следил за поведением мужской, а старшая женщина — женской части семьи, давая наставления и улаживая конфликты. Считалось, что мужчинам не следует вмешиваться в женские, женщинам же — в мужские дела, но если во взаимоотношениях между женщинами возникали серьезные осложнения, если кто-нибудь был не согласен с действиями старшей женщины, она обращалась за советом или помощью к старшему мужчине. Для решения важнейших вопросов созывался семейный совет, на котором присутствовали все взрослые мужчины и старшая женщина, представлявшая интересы женской половины дома. Старший всех выслушивал и решал, как быть. Обрядовая жизнь семьи опять-таки всегда протекала под непосредственным руководством старших мужчин, а в области специфически женских обрядов — старших женщин. Они назначали день празднования рождения ребенка и совершения других многочисленных обрядов детского цикла, устанавливали время свадьбы или похорон, определяли круг приглашенных и чаще всего сами возглавляли все проходившие в семье праздничные или траурные церемонии.

Если наставническая, воспитательская роль старших по отношению к другим взрослым членам семьи по существу была лишь одной из составляющих их общей роли в организации семейного общежития, то воспитательская роль по отношению к детям являлась особой и очень важной линией повседневной деятельности старших мужчин и женщин. Эта линия была особенно заметна в больших семьях из-за более жесткого там избегания между родителями и детьми, но не исчезала и в тех малых семьях, которые локализовались подле «большого дома», оставаясь связанными с ним определенной бытовой общностью. Не будет преувеличением сказать, что в этих случаях детей часто воспитывали не столько их родители, сколько деды и бабки, не связанные избеганием и в то же время обычно имевшие больше свободного времени, чем родственники помоложе. Дед постепенно приучал мальчика к крестьянской работе, передавая ему навыки земледелия, ухода за скотом и различных мужских ремесел — обработки дерева, грубой кожи, а в семьях кузнецов — также металлообработки. В свою очередь бабка учила девочку домашним работам и еще более разнообразным женским рукоделиям и ремеслам — вышивке, плетению, обработке шерсти и тонкой кожи и т. п. Старики же нередко прививали детям первые навыки верховой езды, ухода за лошадьми и обращения с холодным и огнестрельным оружием, что в условиях традиций военизированного быта абхазов считалось не менее важным, чем трудовое воспитание. Выдающейся была роль представителей старшего поколения семьи в эстетическом и нравственном воспитании детей: они раскрывали перед детьми богатства народного творчества абхазов и исподволь знакомили их с нормами обычного права, требованиями этикета, религиозными предписаниями и другими идеологическими стереотипами¹⁰.

¹⁰ Подробнее см.: *Смирнова Я. С.* Воспитание ребенка у абхазов. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, 1961, в. XXXVI.

На идеологической роли старших членов семьи, далеко не последней в ряду их ролей, надо остановиться особо. Естественно, что, как и в других крестьянских обществах, именно старики были главными хранителями представлений и норм, а равно исполнителями связанных с ними ритуальных, в том числе культовых, действий. Прежде всего они были хранителями обычного права — *адатов*, которыми вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в основном регулировалась юридическая жизнь абхазских селений. Судопроизводство считалось специфически мужской сферой деятельности, однако бывало, что в затруднительных случаях обращались за советом к известной своими познаниями в этой области старухе. Абхазские адаты, как и всякое обычное

Рис. 2. Старейший произносит молитву перед началом свадебной трапезы

право, не отделены четко от других поведенческих норм, и люди старшего поколения были вместе с тем хранителями и блюстителями правил поведения вообще, и в том числе сложных правил абхазского патриархально-феодалного этикета. В то же время, поскольку многие поведенческие нормы были осыщены мифологически, старики хранили в памяти множество мифологических образов и сюжетов. Все эти идеологические роли переплетались с организаторскими и особенно с наставническими, воспитательскими ролями старшего поколения и немало способствовали их укреплению. Еще больше способствовали этому идеологические роли старших членов семьи в такой области, как религия.

Как известно, традиционной религией части абхазов было христианство, другой части — ислам, причем обе эти конфессии были тонким суперстратом, покоившемся на мощном субстрате древнейших политеистических верований. Какого бы официального вероисповедания ни придерживалась семья, в

религиозных представлениях доминировал пантеон древнеабхазских богов и духов, а в культовой практике — неприкрыто языческие жертвоприношения и моления неофициальным божествам. И жрецами этих культов, среди которых наряду с общеабхазскими, общинными и фамилно-патронимическими было немало семейных, почти всегда являлись представители старшего поколения, по большей части мужчины, реже женщины. Уже при возникновении новой супружеской ячейки, на свадьбе и при вводе невесты в «большой дом», старший в семье или один из других стариков приносил жертвы и молился покровителю домашнего очага Ажахаре и духам предков о благополучии молодых (рис. 2). То же происходило во время ряда календарных обрядов. Например, после уборки урожая на стол ставили кушанья ото всех плодов земли, и старший в семье обращался к богине плодородия Джадже со словами благодарности или с просьбой возместить плохой урожай урожаем будущего года. После отела скота он же молился духам предков о сохранении стада. Во время таких праздников, как, скажем, Рождество, Новый год или Пасха, он же совершал жертвоприношения и молился о благополучии всех членов семьи. В первый понедельник великого поста и в первое воскресенье после Пасхи о благополучии семьи (однако лишь ее женской части) молилась старшая женщина. Она же всегда выступала на сцену, совершая жертвоприношения и творя молитвы, когда дело касалось такой специфически женской области обрядовой жизни семьи, как обвод новобрачной вокруг семейного очага при вводе ее в «большой

дом» или как первый выход невестки за водой, а тем более когда нужно было обеспечить ей плодovitость, или благополучный исход родов, или покровительство высших сил в послеродовой период. Вообще, если молодой мужчина иногда все же мог выступать в роли жреца (например, кузнец, совершавший обряды кузнечного культа бога Шашвы), то для молодой женщины роль жрицы исключалась. По обычаю, быть посредницей в общении с высшими силами имела право только «чистая», т. е. уже не имеющая менструаций, женщина (*апхюсцке*)¹¹.

Наконец, старшие члены семьи выступали в репрезентативной роли, представляя своих близких не только перед богами и духами, но и во всех сколько-нибудь важных земных делах. Именно они были их главными и практически обязательными представителями на свадьбах, похоронах и поминках в других семьях, а также на ритуальных собраниях, связанных с отправлением фамилно-патронимических, общинных и общеабхазских культов. Они же входили в патронимические и фамилные советы старейших, которые ведали всеми чрезвычайными делами данного круга родственников — экономической взаимопомощью и взаимозащитой, организацией свадеб, похорон и поминок, конфликтными ситуациями при женитьбах и замужествах, принятием в число однофамильцев и исключением из их числа. Эти свои функции они сохранили и тогда, когда в пореформенное время (по мнению Ш. Д. Инал-ипа, уже до реформы¹²) место родственных советов старейших в основном заняли территориальные, общинные советы; впрочем, четкой границы между ними не было и раньше, так как во всех важных случаях к участию в советах родственных семей привлекались также старшие из других семей поселка или селения. Некогда старшие отстаивали интересы семьи или были в ответе за нее перед своими феодалами, а позднее стали представлять ее перед другими, прежде всего сельскими, властями. Они же выступали истцами или ответчиками в судах при всех тяжбах, касавшихся интересов семьи в целом.

Выдающимся семейным ролям старших членов семьи соответствовали их высокие семейные статусы. Самым высоким был статус старшего мужчины, который, как правило, был в то же время и главой семьи (*аюны аихабы*). Точнее говоря, формально он всегда был главой семьи, а исключения могли делаться лишь де-факто в тех случаях, когда, как писал М. Джанашвили, младший член семьи по уму и опытности превосходил старшего¹³. Еще точнее следует дифференцировать различные области соотношения формального и фактического главенства. Официальный статус главы семейства и ее заступника перед небесными силами всегда оставался за старшим мужчиной, даже если он уже был совсем дряхл и не покидал дома. В этом последнем случае к младшему мог перейти лишь неофициальный статус фактического распорядителя хозяйственной жизни и представителя перед земными властями, действовавшего как бы от лица традиционного главы и, хотя бы по видимости, согласно его советам и указаниям. Известную роль в этом отношении играл также тип семьи. В малой семье со взрослыми сыновьями и в большой семье вертикального типа, т. е. так называемой отцовской, старшинство было связано с главенством теснее и прочнее, чем в большой семье горизонтального типа, т. е. так называемой братской, где младшему брату, если он намного превосходил своими данными старшего, было легче приобрести статус также и формального главенства.

Как в большой, так и в малой семье старший мужчина в качестве главы семьи был прежде всего если не неограниченным собственником, то полномочным распорядителем общесемейного имущества — земли и

¹¹ [Введенский А. Н.] Религиозные верования абхазцев. — ССКГ, 1871, в. V, с. 20, 21; Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. — Живая старина, 1893, № 3, с. 323; Званба С. Т. Этнографические этюды. Сухуми: Абгосиздат, 1955, с. 55, 75—77; Джанашвили М. Указ. раб., с. 32; Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абгосиздат, 1956, с. 27; Джанашвили Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми: Абгосиздат, 1960, с. 24, 25, 27, 33, 37, 43, 50, 51, 61, 67, 90, 99.

¹² Инал-ипа Ш. Д. Абхазы, с. 410, 411.

¹³ Джанашвили М. Указ. раб., с. 17.

сельскохозяйственного двора со скотом и инвентарем. Соответственно все продукты труда членов семьи или вырученные от их продажи деньги, а равно и сторонние заработки взрослых сыновей поступали в его распоряжение. Единственное, на что он не мог претендовать, была личная собственность других членов семьи — одежда и оружие у мужчин, та же одежда и приданое (у мусульман также часть брачного выкупа — *мекях*) у женщин. Естественно, что от его воли всецело зависел выдел женатого сына, а отделившийся самовольно мог остаться без имущества. При разделе семьи, сколько бы членов ее ни делилось, отец и глава семейства получал половину. Юридический статус старшего вместе с его исключительными семейными ролями определял его огромную власть и престиж в семье. Еще в первой половине XIX в. отец семейства был волен в жизни и смерти своих детей, и даже позднее его власть над ними оставалась очень большой. «Власть родительская в Абхазии неограниченна, — писал Ф. Ф. Торнау. — Одно природное чувство любви к детям, сильное в здешнем народе, является порукой нерушимости их прав»¹⁴. О престиже старшего мужчины можно судить по такому обычаю: после его смерти через дом перекидывали веревку и изо всех сил ее натягивали, чтобы якобы начавший расшатываться дом не рухнул¹⁵.

Следующую ступень в семейной иерархии трудно определить однозначно. С одной стороны, на ней стояла старшая женщина как мать семейства и глава женской части семьи, с другой — второй по старшинству мужчина как ближайший помощник и наиболее вероятный преемник самого старшего.

Имущественно-правовой статус старшей женщины (*аюны аихабы апхюс*) был невысок: как и всякая другая женщина семьи, она имела право только на свою личную собственность. При семейном разделе ей не полагалось ничего из общесемейного имущества. Есть, правда, единичное сообщение М. Джанашивили, что при разделе мать получала долю, равную доле каждого сына¹⁶, но оно не подтверждено другими литературными источниками и категорически опровергнуто полевой информацией. Только в последней трети XIX в. в высших сословиях абхазов под влиянием российского законодательства стала укореняться практика, по которой муж мог завещательным порядком передать жене часть движимого имущества¹⁷. Вообще же, даже в тех нечастых случаях, когда старшая женщина после смерти мужа становилась главой большой семьи, противясь ее разделу, ее право распоряжения имуществом было по объему практически уже, чем право старшего мужчины. Таким образом, общий высокий статус старшей женщины, властвовавшей над женской половиной дома и обладавшей в глазах младших членов семьи престижем, мало уступавшим престижу старшего мужчины, был основан не на ее формальных правах и возможностях, а на неформальной традиции. О силе этой традиции говорит то, что еще в 1924 г. в записке о быте абхазов, составленной по поручению Совета Народных Комиссаров Абхазской АССР, отмечалось: в женской половине дома «властвует старшая из женщин; молодые невестки (атаца) находятся на положении рабынь»¹⁸.

В кавказоведческой литературе имеет известное распространение восходящее к М. О. Косвену¹⁹ мнение, что в этой традиции следует видеть отголоски матриархата. Едва ли это так. Патриархальная семья, как и всякая семья, для своего нормального функционирования требует не только мужского, но и женского руководства и соответственно опре-

¹⁴ Торнау Ф. Ф. Обычай абхазского народа и разделение его на состояния. — Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 482, д. 57, л. 11. Приведено по работе: Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX в. М.: Наука, 1976, с. 122; ср.: Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Спб., 1871, т. 1, кн. II, с. 53.

¹⁵ Джанашивили М. Указ. раб., с. 28.

¹⁶ Там же, с. 17.

¹⁷ Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. — Кавказ, 1867, № 60.

¹⁸ Центральный государственный архив Абхазской АССР, ф. 70, л. 1, л. 31.

¹⁹ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 51.

деленного статуса старшей женщины²⁰. Поэтому можно думать, что прерогативы старшей женщины — это прерогативы, в целях ролевой целесообразности переданные ей старшим мужчиной, а высокий статус старшей женщины — это естественное следствие данных прерогатив.

В противоположность этому, высокий статус второго по старшинству мужчины не только определялся ролевой целесообразностью, но и получил определенное юридическое закрепление. При разделе семьи старший из братьев получал майоратную долю (*аихабшаху*) оружием или скотом (например, по дополнительной голове скота каждого вида или лучшую скотину в стаде), а по некоторым литературным и полевым сообщениям, также отцовский дом. По другим сообщениям, в последнем случае преобладало миноратное право, и отцовский дом становился миноратной долей (*аицабшаху*) младшего из братьев²¹. Однако при оценке этих, казалось бы, противоречивых данных надо иметь в виду два обстоятельства. Первое: у многих народов мира, и, видимо, у абхазов в их числе, майорат в верхушечных слоях населения сочетался с миноратом в широких народных массах. И второе, особенно существенное для рассматриваемого вопроса: миноратное право всегда было лишь специфическим выражением привилегии самых старших членов семьи — ведь оно потому-то и возникло, что родители чаще всего оставались жить с младшим из сыновей. Поэтому трудно сказать, чем на деле была миноратная доля: привилегией или повинностью. Что же касается майоратной доли, то она, несомненно, была привилегией. Старший из братьев имел и другие привилегии. Он наследовал идеологические функции главы дома, например функции жреца кузнечного культа в семьях кузнецов²². Его полагалось слушаться, спорить с ним считалось неприличным.

Статусы других членов большой или малой семьи, а равно всех близких родственников вплоть до дядьев или племянников, принадлежавших к одному разделившемуся «большому дому», также были иерархизированы по старшинству, хотя, может быть, и не так жестко, как по отношению к самым старшим. Младший брат не должен был жениться раньше старшего, разве что с его согласия в порядке исключения. При разделе общесемейного имущества братья выбирали свои доли по очереди, устанавливаемой в зависимости от старшинства. Обычай требовал, чтобы брат помоложе почитал брата постарше и не вступал с ним ни в какие пререкания. Так же соотносились между собой статусы сестер и статусы невесток, а равно общий статус невесток по отношению к золовкам и другим девушкам данной семьи, в том числе самым младшим. Вообще, статусы коренных и пришлых членов семьи соотносились не столько по фактическому, т. е. возрастному, старшинству, сколько по старшинству, так сказать, **позиционному**, ставившему кровное родство по отношению к хозяину дома выше свойства. Исключением из этого правила была мать семейства, об особом положении которой уже говорилось раньше. В значительно меньшей степени, но все же также исключительное положение занимала старшая из невесток, естественно являвшаяся ближайшей помощницей и возможной преемницей старшей женщины. Наряду с названным действовало еще одно правило старшинства: мужчины как таковые считались старше женщин как таковых, в силу чего статус младшего брата оказывался выше статуса старшей сестры со всеми вытекающими отсюда не только имущественно-правовыми, но и нормативно-поведенческими последствиями. По мужчинам же в определенных случаях устанавливалось старшинство женщин. Так, если жена старшего брата была моложе жены младшего, то она все равно считалась старше ее позиционным старшинством. Все эти пересекавшиеся линии факти-

²⁰ См.: *Периц А. И.* Динамика традиций и возможности их источниковедческого истолкования. — Народы Азии и Африки, 1981, № 5, с. 89.

²¹ *Пушкарев С.* Абхазия и абхазцы. — Кавказ, 1854, № 61; *Торнау Ф.* Воспоминания кавказского офицера, с. 8; *Аверкиев И. С.* С северо-восточного побережья Черного моря. — Кавказ, 1866, № 74; *Завадский Ф.* Указ. раб.; *Джанашвили М.* Указ. раб., с. 17, 18; *Дубровин Н.* Указ. раб., с. 81.

²² *Джанашвили Н. С.* Указ. раб., с. 72.

ческого и позиционного старшинства были строго упорядочены, можно сказать, кодифицированы в неписаном своде традиционных социальных норм абхазов. Разумеется, эти нормы корректировались и здравым смыслом (взрослая сестра не всегда на деле отдавала пальму первенства малолетнему брату), и индивидуальными особенностями характеров (умная и волевая младшая невестка умела фактически подняться в семейной иерархии над старшей, но недалекой и слабовольной), и многим другим. Однако в принципе внутрисемейная иерархия старшинства была фиксированной и, как правило, больше или меньше давала себя знать во всех областях жизни семьи, наиболее повседневно и зримо проявляясь в правилах абхазского этикета (*апсуара*).

Доминирующей чертой абхазского семейного, как, впрочем, и общественного, этикета было выражение подчеркнутого почтения к старшим. Как справедливо обобщает Ш. Д. Инал-ипа, все сводилось к тому, чтобы «старший всегда был первым, всегда впереди, всегда в почете»²³. При этом знаки уважения были тем более ярко выраженными, чем выше был фактический и позиционный возраст их объекта. Так, при старшем в семье мужчине даже его взрослые, давно женатые сыновья не сидели, не лежали, не курили, не вели разговоров на фривольные темы, не заговаривали с ним первыми, не появлялись небрежно одетыми и т. п. Ш. Д. Инал-ипа приводит характерное предание о сыне, который, даже умирая, поднялся при появлении отца²⁴. Старшему брату выказывали почти такие же знаки уважения, как и отцу семейства. Девушкам полагалось быть со старшими еще более скромными и почтительными, чем молодым мужчинам. В частности, при старших они не должны были мыться, одеваться, причесываться; в то же время им, как уже отмечалось, вменялось в обязанность демонстрировать свое уважение к старшим такими символическими услугами, как помощь при мытье рук и ног, отходе ко сну и т. п. Но более всего было связано такими этикетными предписаниями и ограничениями поведение самых младших членов семьи — невесток, на которых к тому же ложилась основная тяжесть особой части семейно-родственного этикета — обычаев избегания.

Абхазское избегание мало отличалось от принятого у многих других народов Кавказа, также образуя четыре группы ограничений в общении: между супругами, между родителями и детьми, между женой и родственниками мужа и между мужем и родственниками жены. Наиболее существенной чертой этих ограничений было то, что они особенно заметно проявлялись либо при старших, либо по отношению к самим старшим. Так, в присутствии старших, и прежде всего ближайших старших родственников, супругам долго не полагалось показываться вместе; мать не должна была, как уже говорилось, первое время подходить к младенцу, а отец на протяжении многих лет избегал показываться рядом с ребенком; невестке длительно не разрешалось разговаривать со свекровью и обычно всю жизнь — со свекром; зять не менее года не показывался тестю и теще. Даже и после снятия запретов показываться на глаза или разговаривать оставались определенные ограничения. Скажем, невестка никогда не села бы на одну скамью со свекровью, а зять — с тестем или с тещей, муж и жена также не уселись бы рядом при старших. Между лицами, подлежавшими взаимному избеганию, навсегда устанавливался запрет на личные и фамильные имена. При этом невестка величала старших почтительными нарицательными именами: свекровь — *нан* (мать, старшая), старшего деверя — *хах* (господин) и т. д. Мало того, хотя в абхазском языке не принято обращение на «Вы», из правила делалось исключение для невестки, которая должна была употреблять это местоимение по отношению ко всем старшим родственникам мужа и их женам или мужьям²⁵. В целом, таким образом, хотя избегание

²³ Инал-ипа Ш. Д. Традиции и современность. Сухуми: Алашара, 1973, с. 73.

²⁴ Там же, с. 74.

²⁵ Подробнее см.: Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX—XX вв.). — В кн.: Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1955, в. I, с. 120 сл.; Инал-ипа Ш. Д. Абхазы, с. 324 сл.; Патейна Н. С. Избранное (статьи, рассказы, стихи). Сухуми: Алашара, 1978, с. 17.

было, во-первых, обоюдным и, во-вторых, отнюдь не воспринималось как сознательное стремление кого-нибудь унижить, в рассматриваемое время оно объективно выступало в качестве этикетного подчеркивания высокого статуса старших и подчиненного — младших²⁶. Последнее более всего касалось невесток, контакты которых со старшими членами семьи, в отличие от контактов зятьев с их свойственниками, были постоянными и, следовательно, постоянно напоминали обеим сторонам о различии в их статусах. Характерно, что по мере того, как супруги старели сами, избегание между ними и их старшей родней все же смягчалось. Это опять-таки с очевидностью обнаруживает престижную функцию избегания в патриархально-феодалной абхазской семье.

Многими столетиями складывавшиеся традиции, связанные с ролями и статусами старших возрастных групп в семейном быту абхазов, сохранились не только с развитием в крае капиталистических отношений, но и в советское время, дожив до сегодняшнего дня.

Прежде всего в значительной мере удерживается локально-бытовая основа распределения ролей и соотношения статусов в семье, так как, хотя большие семьи сейчас составляют редкое исключение, жива традиция селиться подле отцовского «большого дома» и продолжать ощущать себя единым близкородственным «большим домом». В основном удерживаются и хозяйственные, а также примыкающие к ним бытовые роли старших мужчин и женщин: ведь начавшийся отход от традиционного разделения труда в семье меньше всего затронул ее старшее поколение. Вместе с тем в этой области фиксируются определенные изменения, касающиеся главным образом ролей старших женщин в таких усложненных малых семьях, которые включают в свой состав мать или тетку мужа. Массовое вовлечение в общественное производство женщин, особенно молодых, повело к тому, что во многих семьях старшие женщины взяли на себя не только уход за детьми или больными, но и такие особенно непрестижные работы, как уборка дома, стирка и т. п. В организаторских и репрезентативных ролях традиция до известной степени расшатывается рядом факторов современной жизни, в первую очередь резким сужением сферы семейного хозяйства и общей демократизацией структуры семьи. В этих условиях область лидерства старших либо сужается (например, ограничиваясь сферой подсобного личного хозяйства), либо приобретает в какой-то мере формальный характер (скажем, представитель семьи ссылается на полномочия, данные ему старшим). В то же время общий дух возрастного лидерства жив настолько, что редко кто усомнится в праве не только родителей или деда с бабкой, но и других относительно близких старших родственников в случае нужды вмешиваться в дела всех младших членов «большого дома». Заметной остается и роль старших членов семьи в воспитании детей. Она отчасти ослабела в связи с начавшимся изживанием обычаев избегания, но далеко не исчезла совсем. Меньше всего поколеблена традиционная идеологическая роль старших возрастных групп, и прежде всего (в той мере, в какой сохраняются остатки религиозного мировоззрения или привычных ритуальных действий) их роль в области религиозных культов.

Соответственно по-прежнему очень высок престиж старших, а стало быть их мироощущение (рис. 3). В особенности же высок престиж старшего мужчины дома. Как правило, именно он является главой семьи, хотя случаи несовпадения формального и фактического главенства участились и продолжают учащаться. Семьи, возглавленные молодыми мужчинами, — это почти всегда молодые семьи, а семьи, возглавленные женщинами, — это почти всегда неполные семьи. Интересное наблюдение сделано В. Л. Бигвавой: бывает, что семья формально возглавляется женщиной, если муж — примак и внесение его фамилии в похозяйствен-

²⁶ О генезисе и функциях обычаев избегания на Кавказе подробнее см.: *Смирнова Я. С.* Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа. — В кн.: *Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе*. М.: Наука, 1978; *Смирнова Я. С., Першиц А. И.* Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»? — *Сов. этнография*, 1978, № 6, а также обсуждение этой статьи там же, 1979, № 5.

Рис. 3. Абхазские долгожители

ную книгу как фамилии главы семьи подчеркнет «прекращение рода»²⁷. Очевидно, что здесь перед нами лишь своеобразное отражение того особого престижа, которым обладает старший мужчина в качестве продолжателя дела предков и хранителя фамильного имени. Как и раньше, очень высок престиж старшей женщины — матери или бабушки, а равно других старших членов абхазской семьи — старшего брата, старшей сестры, старшей невестки и т. п. Вообще, хотя многие реальные основания, на которых некогда покоились статусы членов семьи (хозяйственные и организаторские роли, обычноправовые привилегии и пр.), расшатаны или рухнули, а некоторые черты закреплявшего их этикета (скажем, наиболее неудобные из обычаев избегания) отходят в прошлое, традиционное соотношение статусов как собственно возрастного, так и позиционного старшинства, равно как и его этикетное оформление, в основном живы. Так, в горных селениях, где бытовые традиции расшатаны меньше, чем в курортной приморской зоне, младший брат все еще не женится без уважительных причин и без особого на то разрешения раньше старшего, младшая сестра — раньше старшей. Либо, скажем, не только взрослый абхаз, но и юноша и даже подросток хорошо знают, кому положено занять место первому и произнести первое слово, а кому надлежит скромно дожидаться приглашения сесть и заговорить²⁸.

Приведенные данные, как представляется, позволяют сделать два вывода.

1. Несомненна одна из общих закономерностей семейного, как и общественного, быта, состоящая в том, что роли порождают статусы. Применительно к межполовому разделению труда на нее в свое время обратил внимание Ф. Энгельс, писавший, что народы, у которых женщины должны работать гораздо больше, чем им полагается по нашим представлениям, часто питают к женщинам намного больше подлинного ува-

²⁷ Бигвава В. Л. Современная семья у абхазов (по этнографическим материалам сельских районов Абхазской АССР). Рукопись дис. на соискание степени канд. ист. наук. Тбилиси, 1980, с. 72.

²⁸ Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района. — В кн.: Кавказский этнографический сборник, в. 1. с. 93 сл.; Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение..., с. 176 сл.; Инал-ипа Ш. Д. Абхазы, с. 480; его же. Традиции и современность, с. 68; Ижания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов (Исследования и материалы). Сухуми: Алашара, 1973, с. 237 сл.; Бигвава В. Л. Указ. раб., с. 72 сл.

жения, чем европейцы²⁹. Это подтверждается и рассмотренными выше данными, показывающими, что высокий статус старших членов абхазской семьи в большой степени определялся их активной хозяйственной, организаторской и иной деятельностью. Однако в то же время следует обратить внимание и на другую закономерность: уже устоявшиеся, институционализировавшиеся статусы получали определенную автономию и, более того, со своей стороны оказывали воздействие на семейные роли. Это особенно хорошо видно на примере распределения женских работ в большой семье, при котором старшие женщины, опираясь на свой высокий статус, перекладывали более тяжелые и менее престижные обязанности на невесток. Таким образом, соотношение ролей и статусов в семье правильнее представлять себе не как одностороннюю причинно-следственную, а как двустороннюю связь.

2. Отсюда следует, что в качестве свидетельств в пользу социальной (или также и социальной) природы абхазского долгожительства могут рассматриваться как активные роли и высокие статусы старших членов семьи, так и утратившие прямую связь с ролями, но институционализированные высокие статусы. Иначе говоря, достаточно высоким престижем в абхазской семье обладал не только деятельный абырг, но и одряхлевший алыгажв. Разумеется, этот вывод нельзя принимать упрощенно. Окружающие понимали, что старший старшему и старик старику рознь. Иначе у абхазов не было бы таких пословиц, как «человека узнают не по бороде — бороду и козел носит»³⁰. Однако очевидно, что здесь перед нами лишь порожденные реальной жизнью поправки к народной геронтофильной традиции, не ломавшие самой традиции.

Значение институционализации высоких статусов старших членов семьи для упрочения геронтофильной традиции в семейном быту абхазов, как и многих других народов Кавказа, особенно заметно при сопоставлении рассмотренных данных с данными по тем народам региона, которые в XIX в. дальше продвинулись по пути развития капиталистических отношений и соответственно разложения традиционного крестьянского общества. В частности, у армян старший мужчина и старшая женщина большесемейной общины с наступлением глубокой старости теряли не только фактическую власть, но и прежнее уважение других членов семьи³¹, у грузин-картлийцев могли быть смещены³² и т. д. В Абхазии это было бы немыслимо, в чем нельзя не видеть еще одно свидетельство в пользу геронтофильной гипотезы абхазского долгожительства.

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 53.

³⁰ Гулия Д. И. Указ. раб., с. 58.

³¹ Карапетян Э. Т. Армянская семейная община. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1958, с. 127, 128.

³² Абазадзе Н. Л. Семейная община у грузин. — Этнографическое обозрение, 1889, кн. III, с. 17.

Н. А. Бутинов

ОСТРОВ ПАСХИ:

ВОЖДИ, ПЛЕМЕНА, ПЛЕМЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ

[в связи с кохау ронгоронго]

Дошечки с письменами — *кохау ронгоронго* — давно привлекают внимание исследователей. К сожалению, таких дошечек известно немного, около двадцати, к тому же примерно половина из них плохой сохранности¹.

¹ Перечень дошечек ронгоронго см.: Бутинов Н. А., Кнорозов Ю. В. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи. — Сов. этнография, 1956, № 4, с. 77, 78.